

*Это художественный вымысел. Он вдохновлен реальными событиями, но не является их воспроизведением. События и места изменены для целей повествования. За исключением прямо упомянутых публичных фигур, любые совпадения с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайны. Излагаемые персонажами мнения являются исключительно точкой зрения персонажей, а не автора.*

В основе нашей политики должен лежать принцип, который считаю (несмотря на всю его очевидность) важнейшим в деятельности любого современного государства, стремящегося к достижению высоких стандартов жизни. Это принцип «свобода лучше, чем несвобода». Эти слова — квинтэссенция человеческого опыта.

*Дмитрий Медведев, 15.02.2008  
(из стенограммы выступления  
на V Красноярском  
экономическом форуме)*

Знаю твои дела, ты носишь имя,  
будто жив, но ты мертв.

*Откр. 3:1*



Лето будет холодным, и всякая справедливость в мире исчезнет.

## Допрос I

Давайте набережную Тараса Шевченко переименуем?

**Вопрос.**

Нет, много чего можно переименовать. Площадь Европы. Площадь Свободной России. Метро «Киевская». Какой-то сильно либеральный центр города получился, не находите? Вот вы бы что переименовали, товарищ лейтенант?

**Вопрос.**

А театр имени Шевченко вам чем помешал?

**Вопрос.**

В первую раз слышу такую чушь. У нас был грант Министерства культуры, мы...

**Вопрос.**

Да, я понимаю. Но это ведь не моя вина. Паспорт должен был остаться где-то у вас, не у меня. Когда в пять утра к вам в квартиру ломаются шестеро вооруженных мужчин в масках и бронежилетах, трудно вспомнить, где находятся твои

вещи. И еще труднее их найти, когда эти молодчики твой дом вверх дном переворачивают. И совсем уж трудно вспоминать, когда тебе предъявляют обвинения, которые заставляют Кафку краснеть.

**Вопрос.**

Конечно, осознаю. Но мы ведь с вами понимаем, товарищ лейтенант, что всё это нужно только для одной цели.

**Вопрос.**

Да ну бросьте. Вас звание обязывает знать.

**Вопрос.**

Нет. Я работаю с актерами, видел, как играют сотни людей, и должен признаться — в труппу бы я вас не взял.

**Вопрос.**

Можете держать меня здесь хоть год — на что вы, конечно, не имеете права ни по законодательству, ни по Конституции, — но даже если вы решитесь на нарушение нескольких статей Уголовного кодекса, я ничего вам нового не скажу про театр имени Шевченко.

**Вопрос.**

Разумеется. Потом это будет приобщено к материалам дела — но, возможно, уже не моего.

**Вопрос.**

Вы врете, товарищ лейтенант. И вы думаете, что отвечать будет ваше руководство. Всегда думают, что отвечать будет руководство. А руководство думает, что отвечать будет его руководство. А потом главное руководство решает, что отвечать будет руководство поменьше. И так далее — в обратном порядке. Как в рассказе про китайского императора и его посыльного.

**Вопрос.**

Нет, почему же, всё как раз по делу. А про бухгалтера мне вам сказать нечего. Наталья Николаевна — дама малообщительная, с коллективом не дружила. Мы с ней вот буквально парой слов обменялись. А залезать ей в голову я не мог, простите, не умею.

**Вопрос.**

Нет, вам только так кажется. Я абсолютно искренен с вами. Позвольте заметить, камера в СИЗО — не та жилплощадь, ради сохранения которой я хотел бы увилывать от детального расследования этого дела.

**Вопрос.**

Не знаю. Например, о том, почему во время прогулки во дворике нам на всю громкость включают Алену Апинову. Не подумайте, я совершенно не против музыки, и не против даже громкой и очень громкой музыки, хотя она мешает мне говорить с моими прекрасными сокамерниками. И я даже не против позднесоветского и постсоветского попа, есть в нем такая, что ли, декадентская прелесть. Но позвольте, почему Алена Апина? Кто-нибудь вообще помнит, кто такая Алена Апина? Вы наверняка еще в детсад ходили, когда по радио стали крутить «Бухгалтера».

**Вопрос.**

Нет, не заговариваю. Просто то, что вы хотите от меня услышать, я вам не скажу, а на мои вопросы вы не отвечаете.

**Вопрос.**

Да вот навскидку: где моя жена и что с ней, товарищ лейтенант? Она в безопасности? Нам не дают встретиться с тех пор, как я сюда попал.

**Вопрос.**

Вы прекрасно знаете, что я имею в виду под словом «безопасность». Нет, я не раздражен. Но за пережитое моей любимой женщиной кто-нибудь точно ответит. И где мой адвокат? Почему его ко мне не пускают? Где газеты, которые я просил принести в камеру?

**Вопрос.**

Да сколько угодно. Еще раз: мне некуда, в общем, торопиться. Знаете выражение: «Тот, кто перестает учиться, стареет»? А я побаиваюсь старости, как любой здоровый человек. Поэтому взял с собой книги. Их, конечно, рассыпали во время последнего обыска в камере — ума не приложу, что надеялись отыскать, первое фолио сонетов Шекспира, что ли? — но я потерплю и это.

**Вопрос.**

Я прикован к этой одиночной камере и требую своего адвоката и свидание с женой. Больше ничего.

**Вопрос.**

Если вы обещаете, хорошо. Надеюсь, свое слово вы сдержите. Давайте про суд.

## Марина

Увидев свое отражение в зеркале, Марина поняла, что у воротника ее мантии оторвалась пуговица.

Марина оглядела письменный стол: нет пуговицы. Смахнула пыль со стопки кодексов, приподняла — тоже нет.

Не было пуговицы и на полу под стулом, и на подоконнике, и за расшнурованными, но не прочитанными томами дел, и под икеевским шкафом светлого шпона, куда обычно закатывались булавки, ручки, скрепки и прочие мелочи, которые

по закону подлости терялись всякий раз, когда были так нужны.

«Да что же это за хрень такая», — прошептала Марина. Она вытянула айфон из кармана треников «Bosco», благовоспитанно прикрытых полами мантии, которая доставала до голых щиколоток и оставляла открытыми кеды с налипшей во время пробежки грязью, опустила на корточках и включила фонарик. Он выхватил на паркете две горизонтальные дорожки пыли, оставшиеся после того, как стол переставляли. Опять забыла попросить секретаршу Аню приглядеть за тем, чтобы в кабинете помыли полы. И, конечно, никакой пуговицы под столом тоже нет.

— Марина Дмитриевна, вы тут?

Судья едва не ударилась макушкой о столешницу, торопливо попятилась и выползла из-под стола как раз в тот момент, когда Аня вошла в кабинет и, выдохнув, бухнула на стол две пухлые папки.

— Что это? — Марина посмотрела на папки со смесью недоумения и ужаса.

— Штрафы, меры пресечения, ходатайства следователей, несколько постановлений о выдворении таджиков... — Аня вежливо улыбнулась. — Ну, вы сами просили.

Марина действительно просила собрать весь текущий бумажный конвейер. Но от этого ее разочарование никуда не делось, потому что, спихнув бумажки на Аню, Марина про них и забыла. А вот они про нее — нет.

— Когда видишь такое говно, сразу хочется в отпуск, — проворчала Марина, поправив спадающую мантию.

— Марина Дмитриевна, а где ваша пуговица?

— Кто же знал, что меня на Шпака этого поставят. Прихожу с пробежки — и сразу давай, приезжай. Пуговица где-то и про... потерялась.

Аня кивала, поджав губы. В отличие от предыдущего секретаря, гиперактивного Славы, она знала, когда стоит говорить, а когда — молчать.



— Может, где-то в кабинете или в коридоре обронили? — предположила Аня.

— Везде смотрела, нет ничего.

Поди пойми с такой жизнью, где ты ее потеряла. Продления, ордера, судебные штрафы, ходатайства... Опять вызывать такси подороже, чтобы ночью не ехать на «экономе», мало ли кто там за рулем ездит; опять красться по коридору, чтобы Сашу не разбудить, и опять она его не увидит. А утром — бутерброды, каши, записки на бегу, успеть пробежать полчаса, чтобы кеды не пылились, потом за руль или в такси — и опять суд. Хоть на вахту сюда уезжай.

Марина захлопнула папку и посмотрела на помощницу.

— Пуговица, Ань. Давай искать пуговицу. А то пиздец же какой-то.

— Ну вы как скажете, Марина Дмитриевна!

Впервые Марина увидела Аню, когда она, тогда еще практикантка, с большими, как у Бэмби, глазами, выклянчивала у председателя интересную работу. Председатель, который вообще с неохотой принимал в суд новичков, мгновенно отрекомендовал назойливой практикантке вошедшую в кабинет за справкой Марину:

— Вот, Анна Артемовна, ваша интересная работа, — и, щелкнув ручкой, раскрыл лежавшую перед ним на столе папку с документами, давая понять, что разговор окончен.

Теперь Аня с сомнением разглядывала решетку радиатора.

— Я не думаю, честно говоря, что... — начала Марина, но Аня запричитала:

— Нет, Марина Дмитриевна, вы даже не представляете, какие штуки могут в таких местах теряться. У меня однажды туда ключи упали, всё почему? Потому что опаздывала в суд, на бегу одевалась, они из кармана и выпали — вот прям туда. — Помощница обернулась. — У вас отвертка есть?

Спустя две минуты Марина наблюдала, как разноцветный Анин маникюр мелькает у верхнего угла радиатора, и думала, что видит этот маникюр чаще, чем мягкие, как у маленького,

чуть розоватые Сашины пальцы. Как будто у Марины появилась еще и приемная дочь, за которую она в ответе.

Вот только подписывалась ли она на воспитание приемной дочери?

С другой стороны, когда в старости ей потребуется стакан воды или там пуговица...

Пуговица, конечно, опять нигде не нашлась.

— Может, в химчистке потерялась?

Марина тоже думала об этом, но мысль эта была неприятной: как направлять в департамент запрос прислать новую пуговицу для мантии, она не имела ни малейшего понятия. Зато прекрасно представляла себе, сколько времени у бюрократов займет замена пуговицы. Проще новую мантию купить.

— Погодите, есть идеяка.

Аня отцепила заколку, распустила волосы, потом продела пластину заколки в петлю на мантии.

— А она вообще будет держаться? — засомневалась Марина.

— О, знали бы вы, сколько эта заколка у меня лет. — Аня тянула пластинку к язычку, всё больше сминая пальцами воротник. — Она всё выдержит.

Наконец заколка щелкнула, Аня дернула на Марине воротник и отступила на шаг.

— Ну? Как вам?

В отражении заколка выглядела странно: будто маленький ребенок игрался с мантией и нарочно ее прицепил. Смотрелось некрасиво, но вроде бы держалось. Марина дежурно осмотрела себя в отражении, осталась недовольна слишком заметными морщинками в уголках глаз и рта; еще и мешки под глазами. «Студенты юрфака бывшими не бывают, у них всегда недосып», — вспомнилась шутка одного приятеля, оставшегося стертой фотографией где-то в фотоальбоме юности. А вслед за ней вдруг пришло, долетело откуда-то из чердака подсознания, там, где прячут когда-то приятные вещи, которых теперь пришлось бы стыдиться, — всплыло:

«Сколько темной и грозной тоски в голове моей светловолосой».

Марина машинально поправила челку, надвинула очки глубже на нос. На секунду перед ней оказалась не Марина-судья, а Марина-студентка кутафинской академии, только постаревшая (но повзрослевшая ли?) на двадцать лет, — зато с такими же толстыми линзами очков и таким же аккуратным светлым хвостом, прихваченным черной заколкой. А за одним стихотворением ниточкой потянулись другие — те, что как прикосновения рук на тонкой шее, те, которые взрослому, устроенному человеку с семьей и домом пристало вспоминать только перед сном в тишине, или перед рассветом, когда розовые от стеснения улицы за окном словно зовут в мечты прошлого, туда, где ее больше не будет.

«В голове моей светловолосой...»

— На клоуна похожа, — пробурчала Марина. — Но вроде бы держится. Только ты-то как — без заколки?

— Зато волосы не секутся, — сказала Аня, изобразив улыбку. Марина сделала вид, что улыбке поверила.

В дверь постучали, и Марина поспешно отошла от зеркала, сделав вид, что не досмотрела присланные из оперотдела бумаги.

В дверной проем просунулась квадратная, с лысинкой, голова Пети Метлицкого — районного прокурора, большого мальчика лет тридцати пяти, метившего в прокуроры округа, но еще не знавшего, что это невозможно, — таких вот Петя оставляют в районе. И все всё понимают, кроме самих Петь.

— Марин, там начинать уже пора.

— Мы сильно задержались?

— Ну... — Петя неопределенно пожал плечами. Форменный синий мундир был ему явно маловат.

Марина схватила первый попавшийся кодекс, тетрадь с записями и ручку, и направилась к двери — но перед самым порогом вдруг вспомнила:

— А ты флешку принес?

— Флешку? — картинно удивился Метлицкий, после чего неловким движением, будто плохой актер, опустил руку в карман кителя и извлек оттуда пластинку чуть толще ногтя. Марина и не знала, что такие производят. — Фирма веников не вяжет.

— Ань, возьми.

— Мне полностью всё скопировать?

— Да, всё обвинительное скопируй, а там посмотрим, — Марина снова с тоской подумала о новых папках у нее на столе, и вздохнула.

— Наши шутку про этого мужика из Мытищ придумали, — сказал Петя.

— М-м-м?

— Украл бы три магнитофона, три кинокамеры зарубежных, три куртки замшевых, — всё равно легче отделался бы, чем за митинг.

— Не поняла?

— Ну он же Шпак! Шпак, типа! Сечешь?

Марина усмехнулась.

У входа в зал двое приставов разглядывали дочку подсудимого — свидетельницу защиты. Блондинка в черной куртке, джинсах и бело-черных «конверсах», с треугольной формой лица, чем-то даже на Марину похожая, невидяще смотрела в стену и вертела в пальцах телефон. Спасибо, что не ревет, а то потом читай, как судьи губят судьбы простых студенток. Почувствуй себя героиней Достоевского, светло-волосая Марина.

А вот мама подсудимого в безразмерном черном платье с оборками (да чего они все в черном-то? никого же не убивают) и подкрашенными кудрями кирпичного цвета отирала слёзы платочком.

Рядом с родственниками сидел очень известный адвокат в синем костюме, на лацкане — значок адвокатской палаты. Мясистыми пальцами он перебирал по клавиатуре ноутбука, точно по кнопкам гобоя: вероятно, сочинялась кантата